

АЗІАТСКІЙ СБОРНИКЪ

Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ

Новая серія

1919

MÉLANGES ASIATIQUES

tirés

du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie

Nouvelle Série

ПЕТРОГРАДЪ

PETROGRAD

Алеутскій языкъ
въ освѣщеніи грамматики Веніамина.

В. И. Гохельсона.

(Представлено академикомъ С. В. Ольденбургомъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 18 сентября 1918 года).

1909 и 1910 гг. я провелъ на Алеутскихъ островахъ. Завѣдуя Этнологическимъ Отдѣломъ организованной Русскимъ Географическимъ Обществомъ «Камчатской экспедиціи» на средства Э. П. Рябушинскаго, я занимался изслѣдованіемъ алеутовъ — ихъ настоящаго и прошлаго.

Опытъ прежнихъ работъ въ Сибири убѣдилъ меня въ томъ, что этнологія народа нельзя понять безъ знанія его подлиннаго творчества и языка, и я прежде всего взялся за изученіе алеутскаго языка. У меня не было систематической, спеціально-лингвистической подготовки, но я уже много лѣтъ работалъ въ этой области, теоретически и практически, и выработалъ себѣ извѣстные приемы изслѣдованія.

Всякому, кто занимался «въ полѣ» изученіемъ «примитивныхъ» языковъ, знакомы тѣ трудности, какія приходится при этомъ преодолевать. Для успѣшнаго усвоенія языка, не имѣющаго своей письменности, необходимы, — помимо той или другой подготовки, — еще три условія: чтобы переводчикомъ былъ туземецъ, чтобы онъ зналъ кромѣ своего роднаго языка еще другой языкъ, — языкъ, понятный изслѣдователю, — и чтобы онъ обладалъ извѣстнымъ развитіемъ или природнымъ умомъ. Насколько могъ переводчики-алеуты удовлетворяли этимъ условіямъ и каковы были трудности, съ которыми мнѣ приходилось бороться, я подробно буду гово-

рить въ предисловіи къ подготовляемымъ теперь для печати текстамъ алеутскаго фольклора¹. Пока я считаю своимъ долгомъ упомянуть здѣсь о своихъ главныхъ двухъ учителяхъ: объ уналашкинскомъ старостѣ Алексѣѣ Мпроновичѣ Ячменевѣ и о псаломщикѣ уналашкинской церкви, русско-алеутскомъ метисѣ, Леонтіи Ивановичѣ Сивцевѣ. Своими познаниями въ алеутскомъ языкѣ я въ значительной степени обязанъ содѣйствію этихъ двухъ лицъ.

Не менѣе важны для изслѣдователя записи предыдущихъ путешественниковъ. Я, конечно, не говорю здѣсь о работахъ такихъ специалистовъ какъ Кастрень, Радловъ или Бётлингъ, сдѣлавшихъ, можно сказать, письменными языки, раньше не имѣвшие письменности. Очень часто записи по языку путешественника не лингвиста оказываются полезными въ началѣ работы. Такъ и по алеутскому языку имѣлись не только случайныя записи словъ и фразъ (какъ, напр., у Бера, Саричева, Саура, Литке, Эрмана, Пинара и др.), но и специальная работа Веніамина: «Опытъ грамматики алеутско-лисьевского языка священника И. Веніамина въ Уналашкѣ. Санктпетербургъ, въ типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1846». Судя по предисловію, грамматика эта была составлена гораздо раньше. Оно помѣчено 18 апрѣля 1834 г. Грамматика состоитъ изъ I—XVI + 87 стр. и къ ней приложены: алеутско-русскій словарь въ I—IV + 111 стр. (отдѣльная отъ грамматики пагинація), нѣсколько писемъ съ переводомъ (стр. 113—120) и двѣ таблицы со спряженіями глаголовъ «дѣйствительнаго» и «средняго» залоговъ — вмѣсто трехъ, обѣщанныхъ въ текстѣ. Не достаетъ спряженія глаголовъ «страдательнаго» залога.

И. Е. Веніаиновъ, впоследствии (1868—1879) Иннокентій, митрополитъ московскій и коломенскій, пробылъ десять лѣтъ (1823—1833) священникомъ уналашкинскаго прихода и изучилъ восточное нарѣчіе алеутскаго языка, названное имъ алеутско-лисьевскимъ. Въ дѣлѣ просвѣщенія алеутовъ онъ занималъ почетное мѣсто, и въ исторіи нашихъ миссій на востокъ онъ выступаетъ какъ рѣдкое исключеніе. Подъ его вліяніемъ прекратилось жестокое обращеніе съ алеутами со стороны русскихъ промышленниковъ и служащихъ русско-американской компаніи. Онъ, можно сказать, примирилъ и привязалъ алеутовъ къ русской культурѣ. Его труды по

¹ См. также В. И. Гохельсонъ. «Описъ фольклорныхъ и лингвистическихъ матеріаловъ В. И. Гохельсона, хранящихся въ Азіатскомъ Музеѣ Россійской Академіи Наукъ». I. Алеуты. ИРАН 1918, 1981.

языку и этнографіи¹ алеутовъ являются, такимъ образомъ, не единственнымъ свѣтлымъ слѣдомъ его пребыванія на Алеутскихъ островахъ въ качествѣ миссіонера.

Готовясь въ 1908 г. въ Британскомъ музеѣ къ поѣздкѣ на Алеутскіе острова, я изучилъ также работу Веніамина. Она дала мнѣ извѣстную подготовку по алеутскому языку, значительно ускорившую предварительную стадію его изученія. Но на мѣстѣ я скоро убѣдился, что Веніамина не понялъ главныхъ основъ строенія алеутскаго языка. Я долженъ былъ отложить въ сторону его грамматику какъ пособие и слѣдовать дальше собственнымъ путемъ. Я вернулся къ ней послѣ годового изученія языка, когда я могъ уже вполне критически отнестись къ пониманію Веніаминавымъ алеутскаго языка. При помощи Сивцева и Ячменева я занялся исправленіемъ грамматики Веніамина и вскорѣ выяснилъ, въ чемъ именно заключаются его ошибки. Впрочемъ, самъ Веніамина хорошо сознавалъ недостаточность его пониманія языка. Съ обычной для него скромностью онъ въ предисловіи къ своей грамматикѣ, осторожно названной имъ «Опытъ грамматики», говоритъ: «Наконецъ, безъ всякихъ околѣностей скажу моему читателю, что если бы я не былъ убѣжденъ въ томъ, что лучше написать посредственно о томъ, что знаешь и чего не знаютъ другіе, нежели, зная, не написать совсѣмъ ничего, то я никогда бы не принялся за такое дѣло, какъ составленіе грамматики языка дикаго и который скоро совсѣмъ исчезнетъ — тѣмъ болѣе, что и самыя познанія мои въ немъ не совершенно достаточны для того, чтобы составлять грамматику» (стр. XV).

Алеутская грамматика Веніамина въ свое время явилась единственной обстоятельной работой по языку не только алеутовъ, но и другихъ племенъ сѣверо-тихо-океанскаго круга. Тогда собраніе матеріаловъ по языкамъ примитивныхъ племенъ перѣдко являлось случайнымъ придаткомъ къ работамъ путешественниковъ-натуралистовъ или любознательныхъ чиновниковъ. Собранныя послѣдними записи словъ и фразъ, хотя и обрабатывались потомъ специалистами, но онѣ представляли собой весьма скудный для

¹ Двухтомный трудъ Веніамина: «Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла», изданный въ 1840 г. на средства Россійско-американской Компаніи, до сихъ поръ является незамѣнимымъ источникомъ этнографическихъ свѣдѣній объ алеутахъ. Веніамина перевелъ на алеутскій языкъ Евангеліе и свои поученія. «Творенія» митрополита Пиннокентія (Москва, 1887) собраны и изданы Ив. Барсуковымъ, который напечаталъ и біографію его, подъ заглавіемъ: «Инокентій, митрополитъ московскій и коломенскій, по сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ». Москва, 1883.

выводовъ матеріалъ, и въ большинствѣ случаевъ неправильно записанный¹. Между тѣмъ изученіе языковъ указаннаго круга племенъ важно было не только для познанія новыхъ, неизвѣстныхъ еще формъ человѣческой рѣчи, но и какъ одно изъ средствъ для рѣшенія сложныхъ вопросовъ о доисторическихъ отношеніяхъ между племенами Америки и Азии. Только черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ Вениаминава или весьма недавно появились болѣе обстоятельныя работы по языкамъ сѣверо-западныхъ индѣйцевъ, эскимосовъ и племенъ сѣверо-восточной Сибири.

Понятно, что работа Вениаминава обратила на себя вниманіе западно-европейскихъ ученыхъ. Она была обработана двумя лингвистами: французомъ Анри (V. Henry. *Esquisse d'une grammaire raisonnée de la langue aléoute d'après la grammaire et le vocabulaire de Ivan Véniaminov. Revue de Linguistique*, vol. 11, pp. 424—457; vol. 12, pp. 1—62, Paris, 1878, 1879, 8°)² и нѣмцемъ Пфизмайеромъ (Dr. A. Pfizmaier. *Die Sprache der Aleuten und Fuchsinseln*³. Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Classe, Sitzungsberichte, B. 105, S. 801—880; B. 106, S. 237—316, Wien, 1884, 8°). Они, конечно, ввели въ свои очерки какъ фонетическія, такъ и морфологическія ошибки Вениаминава⁴, которыя съ тѣхъ поръ повторяются и въ общихъ лингвистическихъ работахъ. Такъ какъ изданіе собранныхъ мной грамматическихъ матеріаловъ

¹ Какъ на добросовѣстныхъ работы ученыхъ лингвистовъ, въ основѣ которыхъ, къ сожалѣнію, лежали количественно скудные и качественно малопрігодные матеріалы случайныхъ собирателей, я могу указать на нѣкоторыя статьи, напечатанныя въ изданіяхъ Академіи Наукъ, о юкагирскомъ, чукотскомъ, гилацкомъ и угалахмутскомъ языкахъ:

A. Schiefner. *Über die Sprache der Jukagiren* (Bull. Hist. Phil., XVI, 1859, pp. 241—253 и *Mél. asiat.*, III, pp. 595—612); *Beiträge zur Kenntniss der jukagirischen Sprache* (Bull., XVI, 1871, pp. 373—399 и *Mél. asiat.*, VI, pp. 409—446); *Über Baron v. Maydell's jukagirische Sprachproben* (Bull., XVII, 1871, pp. 86—103 и *Mél. asiat.*, VI, pp. 600—626).

L. Radloff. *Über die Sprache der Tschuktschen und ihr Verhältniss zum Korjakischen*, St. P. 1861, 40 (*Mém. de l'Acad.* III, № 10); *Über die Sprache der Ugalachmut* (Bull. XV, и *Mélanges russes*, III, pp. 468—524).

Dr. W. Grube. *Giljakisches Wörterverzeichnis nebst grammatischen Bemerkungen* (Anhang zum III B. der Reisen u. Forschungen im Amurlande v. Dr. Leop. v. Schrenck, Lief. 1).

² Очеркъ алеутской грамматики Анри выпущенъ также въ 1879 фирмой *Maison neuve et Cie*, libraires-éditeurs, Paris, Quai Voltaire, 25, отдѣльнымъ изданіемъ.

³ Заглавіе работы Вениаминава Пфизмайеръ неточно перевелъ, ибо «*Die Sprache der Aleuten und Fuchsinseln*» значитъ: «Языкъ алеутовъ и Лисьевскихъ острововъ» (или «языкъ алеутскихъ и лисьевскихъ острововъ», но тогда слѣдовало бы послѣ *Aleuten* поставить =), а не «языкъ Алеутско-Лисьевскихъ острововъ».

⁴ И такъ какъ на основаніи матеріала Вениаминава оба лингвиста сдѣлали и нѣкоторые собственные выводы, то къ ошибкамъ Вениаминава прибавились еще новыя; въ особенности это надо сказать относительно Анри.

состоится не скоро, только послѣ обработки и изданія фольклорныхъ текстовъ и словаря, то считаю не лишнимъ въ этой предварительной статьѣ указать на основныя ошибки Веніамина. Въ виду ограниченности размѣровъ этой работы, я пока оставляю въ сторонѣ вопросы фонетики и синтаксиса, а изъ словопроизводства ограничусь—разборомъ только основныхъ формъ измѣненій именъ и формъ изъявительнаго наклоненія глаголовъ.

Такъ какъ я не касаюсь въ этой статьѣ фонетики, то приводимые мною примѣры изъ грамматики Веніамина я передаю своей транскрипціей.

Приводимые мною въ этой работѣ собственные примѣры, за исключеніемъ наиболѣе элементарныхъ, не составлены мной *ad hoc*, а взяты изъ текстовъ или изъ лингвистическихъ записей, сдѣланныхъ на мѣстѣ при помощи моихъ переводчиковъ.

Прибавлю, что все сказанное въ этой статьѣ касается только восточнаго нарѣчія или «алеутско-лисьевского» по Веніамину.

I.

Измѣненіе именъ существительныхъ.

Падежныя окончанія. Я уже указалъ въ своей предыдущей статьѣ¹ объ алеутскомъ языкѣ, что падежныхъ суффиксовъ въ немъ только два: для абсолютнаго и относительнаго падежей, — которые можно также называть именительно-винительнымъ и родительнымъ падежами, — и что функціи другихъ косвенныхъ падежей (за исключеніемъ *instrumentalis* и *comitativus*) выполняетъ относительный падежъ въ связи съ классомъ мѣстоименій, названныхъ мной препозиціонными или предложными. Правильнѣе можетъ быть ихъ было назвать постпозиціонными, ибо, употребленные не самостоятельно, они ставятся послѣ имени. Въ упомянутой статьѣ я не показалъ образованія формъ *instrum.* и *comit.* Въ связи съ исправленіемъ падежныхъ окончаній Веніамина я укажу ихъ образованіе въ этой статьѣ.

Веніаминовъ дѣлитъ падежи на три класса, на: «неопредѣленные», «притяжательные» и «личные творительные или орудные».

Неопредѣленныхъ падежей пять: именительный, родительный, дательный, винительный и предложный. Такъ какъ по Веніамину винительный падежъ сходенъ съ именительнымъ, рассмотримъ остальные четыре падежа. Пока вопросъ идетъ о падежныхъ окончаніяхъ единственнаго числа.

¹ В. И. Юхельсонъ. «Замѣтки о фонетическихъ и структурныхъ основахъ алеутскаго языка» (ИАН. 1912. 1081—1046).

Издана Р. А. Н. 1919.

Именительный падежъ (§ 33, п. 1) по Веніаминову имѣеть два окончанія: «обыкновенное» (*ádaḫ*, *tayaǵuḫ*, *saḫ* — отецъ, человекъ, рука) и «устьченое» (*adaá*, *tayaǵú*, *ca*)¹. Эти примѣры приведены самимъ Веніаминовымъ, но когда именно употребляется то или другое окончаніе, онъ не указываетъ. На самомъ же дѣлѣ, то, что Веніаминовъ называетъ устьченнымъ окончаніемъ, есть окончаніе именительнаго падежа съ притяжательнымъ элементомъ единственнаго числа. При чемъ *singul.* относится только къ объекту владѣнія, а не къ владѣльцу. Такъ, *adaá* можетъ означать — его, ихъ двоихъ или ихъ отецъ. Это притяжательное окончаніе, мнѣ кажется, происходитъ отъ *ā* (причастная форма глагола *a* — быть) — сущій, имѣющійся. При этомъ конечная гласная основы имени сливается съ *ā* въ одинъ долгій звукъ. Напр., *da-x*, *asxīnu-x*, *úgi-x* (глазъ, дочь, мужъ) съ притяжательнымъ элементомъ единственнаго числа 3-го лица будутъ *dā* (*da+ā*), *asxīnú* (*asxīnu+ā*), *ugī* (*úgi+ā*).

Для «обыкновеннаго» окончанія именительнаго падежа Веніаминовъ приводитъ еще два суффикса — *x* и *g*, но значеніе этихъ окончаній онъ очевидно себѣ не выяснилъ. Дѣло въ томъ, что въ алеутскомъ языкѣ для абсолютнаго падежа, — и вмѣстѣ съ тѣмъ для 3-го лица единственнаго числа всѣхъ глагольныхъ формъ изъявительнаго наклоненія², — имѣется одинъ и тотъ же, и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный суффиксъ — *x*. Именно *x* и *g* (собственно не *g*, а *ñ*) являются неполными, сокращенными окончаніями абсолютнаго падежа. Такія слова довольно часто встрѣчаются. Такъ, напр., вмѣсто *alígix*, *añnágix*, *ukcīñix* (старикъ, дрегалка, песецъ) употребляется въ рѣчи *alíx*, *añnáx*, *ukcīñ*. При этомъ въ первомъ примѣрѣ вулярный звукъ *g* переходитъ на концѣ слова въ соответствующій ему — *x*, а во второмъ — веларный — *g* въ *x*. Въ первомъ примѣрѣ хотя конечнымъ звукомъ является *x*, но это не суффиксъ абсолютнаго падежа. Что мы имѣемъ тутъ дѣло съ устьченными словами, это прежде всего видно изъ ударенія. Двусложныя слова вообще имѣютъ удареніе на первомъ слогѣ, а эти — на второмъ. Во вторыхъ — изъ образованія относительнаго падежа и притяжательныхъ формъ. Такъ, относительный падежъ этихъ трехъ примѣровъ будетъ *alígim*, *añnágim*, *ukcīñim*, а не — *álim*, *áñnam*, *úkcim*. Притяжательная форма единственнаго числа 3-го лица, т. е. «устьченная» форма именительнаго падежа Веніаминова будетъ: *aligí*, *añnagí*,

¹ Замѣчу, что у Веніаминова показано удареніе на конечныхъ гласныхъ приведенныхъ примѣровъ «устьченнаго» окончанія именит. падежа, но не отмѣчено ихъ удлиненіе.

² Эта форма глагола можетъ также имѣть значеніе имени.

ukciñi', а не — ali', añná, ukci'; двойственное число будетъ: aliǵix, añnǵix, ukciñix, а не — álix, áñnax, úksix, и т. д.

Суффиксомъ родительнаго, т. е. относительнаго, падежа Веніампновъ правильно отмѣтилъ *m* (§ 33, п. 2), но все значеніе этого падежа для выраженія отношеній между даннымъ именемъ и другими предметами повидимому ускользнуло отъ его вниманія.

Дательный падежъ, по Веніампнову (§ 33, п. 3), оканчивается на *man*. Напр., *adamán* — отцу. Но такого суффикса нѣтъ. Какъ я уже указалъ въ предыдущей статьѣ¹, дательный падежъ выражается относительнымъ падежемъ (*ádam*) съ прибавленіемъ къ нему дательнаго падежа личнаго мѣстоименія 3-го лица единственнаго числа (*ñan*): *ádam-ñan* = отца-ему, т. е. отцу. Надо замѣтить, что на *ñan* находится главное удареніе и *ádam-ñan*, сказанное въ быстрой рѣчи или стариками можетъ показаться обыкновенному слуху *adamán*.

Предложный падежъ, говоритъ Веніампновъ (§ 33, п. 5), имѣетъ окончаніе *gan*, а иногда въ причастіяхъ — *gam*. Но надежнаго окончанія *gam* вовсе нѣтъ. На это окончаніе Веніампновъ не даетъ даже примѣра. Только слова, основы которыхъ кончаются на *ga*, могутъ имѣть въ окончаніи *gam*, но это будетъ относительный (или родительный Веніампнова) падежъ. Напр.

ayága-x' — женщина; *ayága-m* — женщины. Что же касается *gan*, то это суффиксъ относительнаго падежа 3-го лица единственнаго числа съ притяжательнымъ элементомъ. Напр.:

adá (абсолютный падежъ 3-го лица единственнаго числа съ притяжательнымъ элементомъ) *ulagikux'* = его отецъ имѣетъ домъ, и

adágan (относительный падежъ 3-го лица единственнаго числа съ притяжательнымъ элементомъ) *ulá* (отъ *úla-x'*) *añunáku-x'* = домъ его отца великъ. Въ этомъ примѣрѣ послѣ относительнаго падежа съ притяжательнымъ элементомъ слѣдуетъ абсолютный падежъ съ притяжательнымъ элементомъ и прилагательное (*añunax'* — большой) съ элементомъ настоящаго времени (*ku*) и буквальный переводъ этого примѣра: «Его (3-го лица) отца его (т. е. отца) домъ есть (въ настоящемъ) великъ».

Повидимому, Веніампновъ не вполне былъ увѣренъ въ томъ, что *gan* есть окончаніе предложнаго падежа. Это видно изъ того, что, давъ примѣръ *adagan*, онъ не даетъ его перевода, а также изъ примѣчаній 9

¹ В. И. Гохельсонъ. «Замѣтки о фонетическихъ и структурныхъ основахъ алеутскаго языка». ИАН, 1912.

и 10 къ § 33 (стр. 11): «Слова, кончающіяся на *ix'*, говоритъ Веніаминъ въ примѣчаніи 9, предложнаго падежа не имѣютъ и вмѣсто него употребляется родительный падежъ, напр., *inix'* — небо, вмѣсто *inigan ilan*, употребляется *inim ilan*». Но во-первыхъ, «съ неба» и по-русски не предложный падежъ; во-вторыхъ, *inix'*, какъ и другія имена существительныя, кончающіяся на *ix'* (напр., *amix'* — дядя по матери; *agix'* — печень; *anix'* — озеро), принимаютъ окончаніе *gan* какъ и всѣ прочія имена, напр.:

Agugum inigan ilan — «съ божьяго неба», буквально — «Бога его неба съ него»; или — *amigan ilan agakúqin* = я вышелъ къ его дядѣ.

Въ примѣч. 10 къ § 33 сказано: «Предложный падежъ часто употребляется вмѣсто родительнаго, напр., *anigan anā* — половина половины или четверть. И также наоборотъ, родительный падежъ вмѣсто предложнаго, напр. вмѣсто *adagan ilan* иногда говорится *adam ilan*». Послѣднихъ двухъ примѣровъ, значеніе которыхъ вовсе не одинаково, Веніаминъ не переводитъ. Обѣ формы (*adagan* и *adam*) образуютъ относительный падежъ, но первая заключаетъ въ себѣ притяжательный элементъ, а вторая нѣтъ. Напр.:

adagan ilan itikúqin = я вышелъ отъ его отца; но

adam ilan itikúqin = я вышелъ отъ батюшки.

Словомъ *adax'* называютъ теперь также священника, вмѣсто другого слова — *kamgam tukú* (т. е. «хозяинъ молитвы»). Въ смыслѣ «родителя» должно быть указано, о чьемъ отцѣ идетъ рѣчь — объ отцѣ лица говорящаго или другого лица. Напр.:

adam ilan itikux' = онъ вышелъ отъ своего отца;

adagan ilan itikux' = онъ вышелъ отъ его (3-го лица) отца.

Объ *anigan anā* можно сказать, что обѣ эти формы заключаютъ въ себѣ притяжательный элементъ, но первая образуетъ относительный, а вторая абсолютный падежъ. Такъ, напр.:

ugam anigan anā = четверть дерева; буквально — «дерева — его половины — ея половина», т. е. половина половины дерева.

Замѣчу, что *anax'* означаетъ продольную половину предмета. Половина въ поперечномъ разрѣзѣ будетъ *antaax'*. Поэтому «четверть» (напр. дерева) можетъ быть выражена въ четырехъ терминахъ:

ugam anigan anā = четверть дерева въ продольномъ разрѣзѣ
(доска)

yágam aĩtágan aĩtá = четверть дерева въ поперечномъ разрѣзѣ
(колодка)

yágam aĩágan aĩtá = поперечная половина продольной половины
дерева

yágam aĩtágan aĩá = продольная половина поперечной половины
дерева.

Какъ Анри, такъ и Пфицмайеръ (статья I, стр. 815) повторяютъ о «предложномъ» падежѣ то, что говоритъ Веніаминовъ, но Анри все жъ такъ называетъ этотъ падежъ «относительнымъ» (I, р. 439), но на томъ основаніи, что въ алеутскомъ языкѣ отсутствуютъ предлоги, и потому не можетъ быть предложнаго падежа, какъ въ русскомъ. Но это резонъ формальный, а не функциональный. Функции же этого падежа, сознается самъ Анри, мало выяснены. Мы видимъ, что Анри подошелъ къ этому падежу правильно; онъ только не зналъ, что въ этой формѣ имѣется притяжательный элементъ.

Относительно двойственнаго и множественнаго чисель именъ, Веніаминовъ говоритъ (§§ 34, 35), что они имѣютъ только два падежа: именительный и дательный. Почему эти числа лишены указанныхъ имъ падежныхъ окончаній единственнаго числа, Веніаминовъ не пытается объяснить. Въ дѣйствительности оба эти числа имѣютъ по одному окончанію — какъ для абсолютнаго, такъ и для относительнаго падежа. Почему, я потомъ объясню. Пока разберемъ падежныя окончанія для dual. и plural. Веніамниова.

Именительный падежъ двойственнаго числа оканчивается на kix или gix, а множественнаго числа — на ni или ñin, говоритъ Веніаминовъ. На самомъ дѣлѣ двойственное число имѣетъ единственный суффиксъ — *x*, а множественное число — *n* — какъ въ именахъ, такъ и въ глаголахъ. Окончанія же kix (а не kik', какъ пишетъ Веніаминовъ) и ñin состоятъ изъ суффиксовъ двойственнаго (*x*) и множественнаго числа (*n*) и инфиксовъ ki и ñi, являющихся притяжательными элементами, относящимися къ объекту владѣнія. Напр.:

áda-x — два отца; adá-ki-x — его, ихъ двоихъ или ихъ многихъ два отца
áda-n — отцы; adá-ñi-n — его, ихъ двоихъ или ихъ многихъ отцы.

Дальше, въ окончаніи gix только *x* является суффиксомъ двойственнаго числа. Изъ примѣра на gix, который даетъ Веніаминовъ (singul. kappúx — сердце; dual. kappúgix), видно, что ему не было извѣстно, что kappúx употребляется вмѣсто kappúgix', т. е. что gi въ dual. kappúgix относится къ основѣ, а не къ суффиксу.

Окончаніемъ дательнаго падежа, согласно Веніаминову, служить для dualis *kin* (напр. *ada²kin* = двумъ отцамъ), для pluralis *nin* (напр. *ada²nin* = отцамъ) съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. На самомъ дѣлѣ *ada²kin* означаетъ: «твой два отца», а формы *ada²nin* вовсе нѣтъ. Очень можетъ быть, что непривычному слуху *ada²m-nin* (о чемъ см. дальше) можетъ показаться какъ *ada²nin*. Dativ. двойственнаго и множественнаго чиселъ образуется изъ относительной формы singularis съ прибавленіемъ личныхъ мѣстоименій: *ikin* = имъ двоимъ и *nin* = имъ многимъ: *ada²m-ikin* = отца — имъ двоимъ, т. е. двумъ отцамъ; *ada²m-nin* = отца — имъ многимъ, т. е. отцамъ.

Изъ послѣднихъ двухъ примѣровъ явствуетъ, почему въ dualis и pluralis нѣтъ особаго окончанія для относительнаго падежа. Морфологія языка считаетъ достаточнымъ выраженіе двойственности и множественности въ одномъ только постпозиціонномъ мѣстоименіи, оставивъ имя въ относительномъ падежѣ singularis. Хотя вмѣсто *ada²m-ikin* и *ada²m-nin* можно сказать *ada²x-ikin* и *ada²n-nin* (когда имя, — *ada²x* и *ada²n*, — тоже поставлены въ двойственномъ или множественномъ числѣ), но первыя двѣ формы (*ada²m-ikin* и *ada²m-nin*) болѣе соответствуютъ духу языка. Эти именно формы главнымъ образомъ встрѣчаются въ фольклорныхъ текстахъ.

«Притяжательныя надежи» Веніаминова. Мы видѣли, что нѣкоторые изъ притяжательныхъ элементовъ Веніаминовъ считалъ простыми надежными суффиксами. Такъ, *ada²* (его, ихъ двоихъ, ихъ отецъ), *ada²kin* (его, ихъ двоихъ, ихъ два отца), *ada²nin* (его, ихъ двоихъ, ихъ отцы) и *ada²kin* (твой два отца), по Веніаминову означаютъ: отецъ, два отца, отцы и двумъ отцамъ. Въ своемъ же отдѣлѣ о «притяжательныхъ надежахъ» (§§ 36—39) онъ даетъ только слѣдующіе примѣры на притяжательныя окончанія: *ada²n* — мой отецъ; *ada²nin* — мои отцы; *ada²n* — твой отецъ; *ada²ci* — ваши отцы и *ada²nin* — ихъ отцы. Другія формы скрываются подъ: «и проч.». Надо замѣтить, что тутъ окончаніе *nin* правильно разсматривается какъ притяжательное, но раньше мы видѣли, что Веніаминовъ считалъ его также однимъ изъ окончаній для pluralis безъ притяжательнаго элемента.

Давъ только указанные выше примѣры для «притяжательныхъ надежей», Веніаминовъ дѣлитъ однако эти надежи (см. § 38) на: «однoличныя», которые «употребляются тогда, когда одинъ предметъ или многіе относятся къ одному лицу»; «многoличныя», которые «употребляются тогда, когда одинъ предметъ или многіе относятся къ многимъ лицамъ»; «бeзличныя»,

которые «употребляются тогда когда въ русскомъ языкѣ должно сказать свой, свои». Подъ этой терминологіей, нелсной за отсутствіемъ примѣровъ, надо понимать слѣдующее.

Во-первыхъ, три числа (singul., dual. и pluralis) могутъ относиться съ одной стороны къ объекту владѣнія, съ другой—къ владѣльцу. Все это должно быть выражено извѣстными грамматическими элементами. Во-вторыхъ, когда владѣльцемъ является 3-ье лицо, то въ притяжательномъ элементѣ объекта дѣйствія указывается принадлежность его дѣйствующему лицу или другому третьему лицу. Напр.: «Онъ привелъ *своего* сына» или «онъ привелъ *его* сына»; «онъ живетъ въ *своемъ* домѣ» или «онъ живетъ въ *его* домѣ». Когда мы употребляемъ мѣстоименіе «свой» и «свои» и т. д. вмѣсто личныхъ мѣстоименій 1-го и 2-го лицъ, то оно только особо подчеркиваетъ или усиливаетъ принадлежность предмета. Но «я живу въ *своемъ* домѣ» и «я живу въ *моемъ* домѣ»—синонимы. «Свой» и «мой» указываютъ тутъ принадлежность «дома» одному и тому же лицу. Въ приведенныхъ же выше примѣрахъ съ третьимъ лицомъ «свой» и «его» относятъ владѣніе предметомъ къ разнымъ хозяевамъ. Вотъ это различіе имѣетъ свое грамматическое выраженіе и въ алеутскомъ языкѣ.

Апри и Флицмайеръ различно отнеслись къ обработкѣ отдѣла Веніаминова о «притяжательныхъ надежахъ». Послѣдній (I, стр. 816), признавъ недостаточность матеріала, привелъ только то, что содержится у Веніаминова. Не такъ сдѣлалъ Апри. Онъ выбралъ изъ примѣровъ Веніаминова,—самихъ по себѣ часто неправильныхъ,—все притяжательные элементы, относящіеся къ владѣльцу и объекту владѣнія, и недостающія формы построилъ самъ по аналогіи, скомбинировавъ притяжательные элементы съ окончаніями для чиселъ. Такимъ образомъ Апри составилъ (I, 445—446) сложную «таблицу теоретически вѣрную, хотя можетъ быть и ошибочную въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (un paradigme théorique-ment exact, mais peut-être defectueux en certains points)». Разумѣется, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ притяжательныхъ аффиксовъ, таблица въ цѣломъ представляетъ формы вымышленнаго языка, а не алеутскаго. Изъ 36 формъ таблицы только 6 болѣе или менѣе правильны. Искусственность ея еще увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что Апри безъ всякихъ основаній ввелъ въ транскрипцію алеутскаго языка (вѣроятно по аналогіи съ эскимосскимъ нарѣчіемъ, описаннымъ Petitot) отсутствующіе въ немъ гласные звуки *e* (то вмѣсто *a*, то вмѣсто *i*) и *o* (вмѣсто *u*). Но къ этому я вернусь въ другомъ мѣстѣ. Для экономіи мѣста здѣсь я не буду приводить таблицу Апри. Интересующіеся найдутъ ее въ его работѣ (Статья I,

стр. 445—446). Но для исправленія таблицы Анри и для дополненія и исправленія Веніаминова я помѣщаю здѣсь полную таблицу притяжательныхъ формъ въ ихъ связи съ окончаніями для чиселъ. Для примѣра я беру то слово *tánax*, которое взялъ Анри. *Tánax* означаетъ: земля, страна, родина, мѣстожителство, селеніе и также островъ.

Чтобы облегчить разборъ приводимыхъ въ таблицѣ формъ при ссылкѣ на нихъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, я отмѣчаю ихъ общей порядковой нумераціей. Кромѣ того, какъ это дѣлаетъ Анри, я отмѣчаю число объекта владѣнія при помощи E, D, M (единств., двойств., множеств.) и черезъ E', D', M' число владѣльца.

Первое лицо.

1. EE'	<i>tána-n̄</i>	моя земля
2. ED'	<i>túman tána-x</i>	насъ двоихъ земля
3. EM'	<i>túman tána-x</i>	наша земля
—————		
4. DE'	<i>taná-ki-n̄</i>	мои двѣ земли
5. DD'	<i>túman tána-x</i>	насъ двоихъ двѣ земли
6. DM'	<i>túman tána-x</i>	наши двѣ земли
—————		
7. ME'	<i>taná-ni-n̄</i>	мои земли
8. MD'	<i>túman tána-n</i>	насъ двоихъ земли
9. MM'	<i>túman tána-n</i>	наши земли

Второе лицо.

10. EE'	<i>taná-n</i>	твоя земля
11. ED'	<i>taná-dix</i>	васъ двоихъ земля
12. EM'	<i>taná-ci</i>	ваша земля
—————		
13. DE'	<i>taná-ki-n</i>	твой двѣ земли
14. DD'	<i>txídix taná-dix</i>	васъ двоихъ двѣ земли
15. DM'	<i>txíci taná-dix</i>	ваши двѣ земли
—————		
16. ME'	<i>taná-txi-n</i>	твой земли
17. MD'	<i>txídix taná-ci</i>	васъ двоихъ земли
18. MM'	<i>txíci taná-ci</i>	ваши земли

Третье лицо.

19. ЕЕ'	(amán) taná..... (того) земля
20. ЕД'	(amákuх) taná..... (тѣхъ) двоихъ земля
21. ЕМ'	(amákuн) tanā..... (тѣхъ) многихъ земля
—————	
22. ДЕ'	(amán) taná-kix..... (того) двѣ земли
23. ДД'	(amákuх) taná-kix..... (тѣхъ) двоихъ двѣ земли
24. ДМ'	(amákuн) taná-kix..... (тѣхъ) многихъ двѣ земли
—————	
25. МЕ'	(amán) taná-ñin..... (того) земли
26. МД'	(amákuх) taná-ñin..... (тѣхъ) двоихъ земли
27. ММ'	(amákuн) tanáñin..... (тѣхъ) многихъ земли

Возвратное третье лицо.

28. ЕЕ'	taná-n..... онъ свою землю
29. ЕД'	taná-dix..... они двое свою землю
30. ЕМ'	taná-ci..... они свою землю
—————	
31. ДЕ'	taná-ki-n..... онъ свои двѣ земли
32. ДД'	txídix taná-dix..... они двое свои двѣ земли
33. ДМ'	txíci taná-dix..... они свои двѣ земли
—————	
34. МЕ'	taná-txi-n..... онъ свои земли
35. МД'	txídix taná-ci..... они двое свои земли
36. ММ'	txíci taná-ci..... они свои земли.

Изъ этой таблицы можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1. Формы, заключающія въ себѣ элементы, указывающіе число какъ объекта владѣнія, такъ и владѣльца, отмѣчены номерами: 1, 4, 7, 10, 11, 12, 13, 16, 28, 29, 30, 31, 34. Всѣ онѣ образованы при помощи окончанія числа и сокращеннаго лично-притяжательнаго мѣстоименія.

Tánañ (1) = tánaх' (земля, singul.) + tiñ (я и мой), при чемъ *ñ* ti оущено.

Tanakiñ (4) состоятъ изъ tánañ съ инфиксомъ *dualis ki* отъ *ikin*—имъ или ихъ двоихъ.

Tanániñ (7) состоятъ изъ tánan (земля plur.) и tiñ.

Tanáñ (10) = tánaх' + txin (ты и твой).

Tanádix (11) = tánaġ + tẏídix (вы двое и вашъ).

Tanáci (12) = tánaġ + tẏici (вы и вашъ).

Tanákin (13) = tanán съ инфиксомъ элемента dualis ki.

Tanátxin (16) = tánan (земли) + tẏin (ты и твой).

О номерахъ 28—31 и 34 см. дальше о формахъ возвратнаго третьяго числа.

2. Въ формахъ перваго и втораго лица подъ №№ 2, 3, 5, 6, 8, 9, 14, 15, 17 и 18 двойственное или множественное число владѣльца обозначено отдѣльно—лично-притяжательными мѣстоименіями: túman = мы и нашъ, tẏídix = вы двое и вашъ (двоихъ) и tẏici = вы и вашъ. При чемъ «мы двое» и «мы многіе» выражаются одной и той же формой túman. Весьма возможно, что отдѣльная форма для dualis перваго лица теперь утратилась. Мы не находимъ ея также у Вениаминова. Можно также допустить, что въ болѣе древній періодъ исторіи языка число владѣльца выражалось во всѣхъ формахъ инфиксомъ между основой объекта владѣнія и окончаніемъ для его числа или суффиксомъ. Одна такая форма сохранилась въ аткинскомъ діалектѣ. «Наша земля» по аткински будетъ: tanámas вмѣсто tímas tánaġ. Надо замѣтить, что въ аткинскомъ діалектѣ окончаніемъ множественнаго числа служитъ не *n*, а *s*. Такъ, земли = tánas, а не tánan.

3. Во всѣхъ формахъ третьяго лица притяжательный элементъ указываетъ число только объекта владѣнія. Число владѣльца указывается его именемъ или замѣняющимъ его адвербіальнымъ мѣстоименіемъ въ относительномъ падежѣ. Въ таблицѣ я взялъ для примѣра адвербіальное мѣстоименіе áman = тотъ, который вдали, внѣ поля зрѣнія. Съ именемъ будетъ такъ:

angágim (относительный падежъ единственнаго числа отъ angágix)
taná, tanákix или tanáñin = земля, двѣ земли или земли человѣка. Однако по отношенію къ pluralis мѣстоименнаго владѣльца при singul. объекта владѣнія употребляется также старинная форма tanádin (= ихъ земля, вмѣсто amákun taná), которая заключаетъ въ себѣ оба элемента.

angágix taná, tanákix или tanáñin = земля, двѣ земли или земли двухъ людей.

angágim taná, tanákix или tanáñin = земля, двѣ земли или земли людей.

Однако въ текстахъ встрѣчаются отступленія отъ этихъ правилъ, которыя я оставилъ не исправленными, хотя переводчики при указаніи мной на эти формы быстро соглашались, что онѣ неправильны. Весьма воз-

можно, что эти «неправильности» являются остаткомъ болѣе древняго ихъ употребленія. Такъ, напр.:

tayáguṃ ayagáñin или tánam tayagúgan ayagáñin часто употребляются не въ смыслѣ: «жѣны человѣка» или «жѣны человѣка селенія», а въ значеніи: «жѣны людей» или «жѣны людей селенія». Tayáguḥ = человѣкъ, мужчина; ayágaḥ = женщина, жена. Точно такъ же встрѣчаются въ текстахъ такія формы, какъ, напр., lákix (отъ laḥ — сынъ) не въ смыслѣ «его, ихъ двоихъ или ихъ многихъ два сына», а въ смыслѣ «ихъ двоихъ сынъ», т. е., элементъ dualis ki относится не къ объекту владѣнія, а къ владѣльцу.

4. Какъ видно изъ таблицы, формы «возвратнаго» третьяго лица одинаковы съ формами втораго лица. Номера 28—31 и 34 тѣ же, что 10—13 и 16. Дѣло въ томъ, что въ алеутскомъ языкѣ лично-притяжательныя мѣстоименія втораго лица по отношенію къ третьему лицу являются возвратными. Txin = ты, тебя и твой по отношенію къ третьему лицу значитъ: себя, свой. Txidix = вы двое, васъ двоихъ и вашъ, и также: они двое себя и они двое свой, свои; txici = вы, васъ и вашъ, и также: они себя и они свой, свои. Исключеніе составляетъ дательный падежъ единственнаго и множественнаго числа. Такъ: imin = тебѣ, imci = вамъ и igim = онъ себѣ (ему будетъ ñan), imdin (болѣе древняя форма iman) — они себѣ. Въ двойственномъ числѣ одна и та же форма imdix = вамъ двоимъ и они двое себѣ. Но древняя форма (imax = они двое себѣ) тоже отлична отъ imdix.

Въ § 39 и въ примѣчаніи 16 (стр. 15) имѣется у Вениаминова ссылка на таблицу съ примѣрами притяжательныхъ падежей; но подобной таблицы нигдѣ въ грамматикѣ Вениаминова нѣтъ. На это обстоятельство указываютъ также какъ Pfizmaier (I, 816), такъ и Henri (I, 444). Отсутствіе обѣщанной таблицы тѣмъ болѣе досадно, что въ упомянутомъ уже § 39 Вениаминовъ говоритъ, не указывая примѣровъ, слѣдующее: «Притяжательныхъ падежей въ отношеніи къ вопросамъ два: именительный или общій и дательный; но въ нѣкоторыхъ числахъ и лицахъ имѣется и третій падежъ предложный или родительный, а потому для избѣжанія особеннаго постановленія правилъ и исключеній какъ въ семь случаевъ, такъ и въ томъ: какой падежъ употребляется вмѣсто предложнаго тамъ, гдѣ онаго не имѣется, — я во всѣхъ числахъ и лицахъ одноличныхъ и многоличныхъ положилъ въ примѣрѣ три падежа: именительный, дательный и предложный; а въ безличныхъ: винительный, дательный и предложный, потому что въ семь случаевъ именительнаго не имѣется».

Что въ «безличныхъ притяжательныхъ падежахъ» нѣтъ именительнаго падежа, это понятно, потому что въ именительномъ ставится владѣлецъ, напр.:

Túkuh' tanáñ ukúkuh' = хозяинъ увидѣлъ свое селеніе. Но дѣло въ томъ, что въ алеутскомъ языкѣ винительный падежъ ничѣмъ не отличается отъ именительнаго. Что же касается дательнаго и предложнаго падежей, то неизвѣстно, что именно подъ ними подразумѣваетъ Веніампновъ. Надо только сказать, что формы именъ съ притяжательными окончаніями имѣютъ кромѣ абсолютнаго или именительнаго падежа еще относительный или родительный падежъ и элементомъ послѣдняго служить извѣстный уже суффиксъ *m*. Въ притяжательныхъ формахъ *m* является однако въ большинствѣ случаевъ инфиксомъ, напр.:

adán (абсолютный падежъ) hwagákuh' = твой отецъ сюда пришелъ.

adámin (относительный падежъ) talá hwagákuh' = рабъ твоего отца сюда пришелъ, буквально = «твоего отца рабъ его сюда пришелъ». *i* между элементомъ относительнаго падежа *m* и притяжательнымъ окончаніемъ *n* вставляется для благозвучія.

Слѣдующіе номера таблицы съ притяжательными элементами остаются безъ измѣненій въ относительномъ падежѣ, т. е. онъ одинаковъ съ абсолютнымъ: 1, 4—9, 13, 16, 22—27, 31 и 34. Надо замѣтить, что совершенно непонятно, почему напримѣръ относительный падежъ отъ tanáñ (твоя земля) = tanámin, а отъ tánañ (моя земля) нельзя образовать tanámiñ, хотя образованія съ такимъ окончаніемъ обычны въ препозиціонныхъ мѣстоименіяхъ¹. Напр., изъ ílan — въ немъ первое лицо будетъ ílámiñ или ílímiñ (во мнѣ), ílámin или ílímin (въ тебѣ) и т. д. Нельзя также сказать, что форма tánamíñ утратилась только въ современной алеутской рѣчи. Она не сохранилась также въ образцахъ героическаго эпоса, языкъ котораго значительно отличается отъ разговорнаго. Настоящіе алеутскіе сказочники предпосылаютъ каждому сказыванію въ видѣ общаго заголовка: «tánañ ahwá» = «работа моей земли», т. е. что это есть творчество страны, а не индивидуальное. Тутъ tánañ является формой относительнаго падежа.

Слѣдующіе номера таблицы получаютъ въ относительномъ падежѣ инфиксъ *m*: 10—12, 14, 15, 17, 18, и будемъ имѣть:

- 10 — tanámin твоей земли
11 — tanámdix васъ двоихъ земли

¹ О препозиц. мѣстоименіяхъ см. мою статью: «Замѣтки о фонетич. и т. д.», стр. 1039.

- 12 — *tanámci* вашей земли
 14 — *txídix tanámdix* васъ двоихъ двухъ земель
 15 — *txíci tanámdix* вашихъ двухъ земель
 17 — *txídix tanámci* васъ двоихъ земель
 18 — *txíci tanámci* вашихъ земель

Надо еще прибавить, что форма *tanádin* (ихъ земля) тоже имѣетъ относительный падежъ *tanámdin* = ихъ земли.

m въ качествѣ суффикса принимаютъ номера 2, 3 и 28:

2 и 3 — *túman tánam* насъ двоихъ или нашей земли.

28 — *tanám* онъ своей земли, напр.:

Túkux tanám tayagúñin ukúkux = хозяинъ (также: вождь, глава, родоначальникъ, староста) увидѣлъ людей своего селенія.

Отлично отъ предыдущихъ формъ образуется относительный падежъ отъ номеровъ 19—21. Въмѣсто *m* оны принимаютъ суффиксъ *gan*.

tanágan его, ихъ двоихъ, ихъ земли.

Въ связи съ «притяжательными падежами» Веніамінова я коснусь его примѣчанія 16¹: «*Ánax* мать и нѣкоторыя другія въ притяжательномъ одноличномъ единственномъ числа второго лица употребляются двойко: *anámínán* и *anadámínán* = твоей матери, здѣсь частица *da* есть та же, которая вставляется въ глаголь (см. § 125) (и кажется должна употребляться тогда, когда говорится о неоднократныхъ дѣйствіяхъ, относящихся къ кому либо: но многіе употребляютъ безъ разбора)». По поводу содержанія этого примѣчанія надо сказать, что «твоей матери» будетъ: *anámín-nán* (а не *anámínán*). Это обычное образование дательнаго падежа при помощи относит. падежа и личнаго мѣстоименія третьяго лица *nán*, т. е. твоей матери ей. То же самое: *anadámín-nán*, а не *anadámínán*. При чемъ частица *da* въ именахъ является уменьшительнымъ или ласкательнымъ элементомъ. Въ глагольныхъ формахъ *da* означаетъ многократность дѣйствія въ смыслѣ его повторемости. *Anámín-nán* можетъ иной разъ имѣть въ предложеніи значеніе не дательнаго падежа и *nán* (ему) тогда будетъ указывать на другое, третье лицо. Напр.:

anámín-nán qax agíkux = онъ далъ рыбу твоей матери, а *anámín-nán agikí* = твоя мать ему его (или это, то) дала. Это форма глагола со включеннымъ объектомъ, когда субъектъ предложенія ставится въ относительномъ падежѣ (см. дальше: «глаголь»).

¹ См. стр. 17. У Веніамінова есть два примѣчанія подъ номеромъ 16, очевидно по ошибкѣ. На одно изъ нихъ (со стр. 15) я уже указалъ выше.

Извѣстія У. А. П. 1919.

«Личные творительные падежи». «Личные творительные или орудные падежи», говорит Веніаминъ, «употребляются тогда, когда безличныя мѣстоименія слѣдуетъ употребить въ творительномъ падежѣ, напр. я, ты, онъ своей рукой (§ 38, п. 1).» Значитъ, «личные творительные падежи» заключаютъ въ себѣ какъ притяжательный, такъ и инструментальный элементъ. Эти «падежи» Веніаминъ подробно разработалъ въ особой таблицѣ, которую я тутъ привожу, чтобы разобратъ въ приведенныхъ въ ней формахъ.

Для удобства анализа приводимыхъ въ таблицѣ формъ, я отмѣчаю ихъ общей порядковой нумераціей.

Личные творительные падежи.

(По Веніаминъ).

Единственное число орудія и владѣльца.

1. cáñán я своей рукой.
2. cáñán ты » »
3. cáñán или cáñín онъ » »

Двойственное число орудія и единственное число владѣльца.

4. cakinán я своими обѣими руками
5. cakinán ты » » »
6. cakinán онъ » » »

Множественное число орудія и единственное число владѣльца.

7. cánínán я своими руками
8. catxinán ты » »
9. cátxinán онъ » »

Формы двойственного числа владѣльца отсутствуютъ (т. е. мы двое, вы двое, они двое своей, своими двумя или своими руками нельзя сказать).

Единственное число орудія и множественное число владѣльца.

10. sax'án мы своей рукой
11. сапán вы » »
12. сапán они » »

Двойственное число орудія и множественное число владѣльца.

13. сах'ín мы своими обѣими руками
14. cákinán вы » » »
15. cakíxin они » » »

Множественное число орудія и владѣльца.

16. *cañin* мы своими руками
 17. *cañiñán* вы » »
 18. *cañinán* они » »

Я расположилъ таблицу Вениаминова въ болѣе удобномъ видѣ для обзора, чѣмъ это сдѣлано у него. Приступая къ ея анализу, надо прежде всего сказать, что ни одна изъ заключающихся въ ней формъ не содержитъ какого-либо элемента творительнаго падежа или орудія, но притяжательный элементъ почти всѣ имѣютъ. Разберемъ ихъ по порядку.

1. *Cañ-nán* (а не *cañán* какъ у Вениаминова) означаетъ: моя рука ему (а не я своею рукою), напр.: *Cañ-nán agikúqin* = я подаю ему свою руку.

2, 3 11 и 12. *Cañán* Вениаминова повидимому является *cañ-nán* (2) = ты свою руку или онъ свою руку ему, напр.:

cañ-nán agikúx' tñin = ты подаю ему свою руку и

cañ-nán agikux' = онъ » » » »

Или: *cañ-nán* (3) = его рука ему.

3 и 16. *Cañin* таблицы можетъ соответствовать: а) *cañ-nin* = его рука имъ; б) *cañ-nñn* = ты или онъ свою руку имъ, или наконецъ в) *cañ-nin* = я свою руку имъ.

4. *Saquinán* таблицы, т. е. *cañin-nán* означаетъ мои обѣ руки ему.

5, 6 и 14. *Saquinán* таблицы повидимому есть *cañin-nán*, что означаетъ: ты или онъ свои обѣ руки ему.

7. *Cañinán* таблицы, т. е. *cañin-nán* означаетъ: мои руки ему.

8 и 9. *Cañxinán* таблицы, повидимому есть: *cañxin-nán*, что означаетъ: ты или онъ свои руки ему.

10. *Sax'án* таблицы можетъ быть только *sax-nán* = рука (безъ притяжательнаго элемента) ему.

13. *Sax'in* таблицы можетъ быть только *sax'-ñin* = рука (безъ притяжательнаго элемента) имъ.

15. *Saxixin* таблицы, повидимому есть *cañix-ñin*, что означаетъ: его, ихъ двоихъ или ихъ многихъ обѣ руки имъ.

17. *Cañiñán* таблицы можетъ быть только *cañin-nán*. *Cañin* (форма рѣдко употребляющаяся) есть *pluralis* отъ *cañan* (относительный падежъ единственнаго числа съ притяжательнымъ элементомъ) — его руки или изъ его руки. *Cañin* = изъ ихъ руки (т. е. *plural*, относится къ владѣльцу). Изъ *cañin-nán* можно составить такое предложеніе:

Cágin-ñán agikú (или agikúñin) = ихъ рука ему это (или эти) дала или изъ ихъ руки ему ихъ дача (или дачи).

18. Cadinán таблицы можетъ быть cádix-ñan = васъ двоихъ рука ему, или cádin-ñán = ихъ рука ему.

Таково именно должно быть значеніе всѣхъ примѣровъ, приведенныхъ въ таблицѣ Веніаминова. Но въ предѣлахъ этого значенія неправильно утвержденіе таблицы, что мѣстоименная приставка (по пониманію Веніаминова — элементъ числа владѣльца) не употребляется въ двойственномъ числѣ, ибо всѣ указанныя въ таблицѣ формы сах' (рука) можно соединить съ ìkin = ямъ двоимъ. Напр.: сах-ìkin, саñ-ìkin, сãñ-ìkin, сã-ìkin и т. д. = рука ямъ двоимъ, моя рука ямъ двоимъ, твоя рука ямъ двоимъ, его рука ямъ двоимъ и т. д.

Кромѣ того, по образцу этой таблицы можно составить еще множество другихъ, если использовать всѣ именныя притяжательныя элементы, всѣ формы относительнаго надежа и dativus всѣхъ личныхъ мѣстоименій. Напр.: cákin-ñuñ, cákin-ìkin и т. д. = твои обѣ руки мнѣ, ямъ двоимъ и т. д. или cádix-ñuñ, túman-ñin, ñan, ìkin, ìmax, ñin и т. д., т. е. васъ двоихъ рука мнѣ, намъ, ему, ямъ двоимъ, себѣ, ямъ и т. д., или саñin-ñuñ, ìmin, ñan, ìkin, ñin, т. е. ихъ руки мнѣ, тебѣ, ему, ямъ двоимъ, ямъ и т. д.

Во всѣхъ приведенныхъ какъ мной, такъ и таблицей Веніаминова примѣрахъ собственно «оруднаго» элемента нѣтъ. Спрашивается, какъ Веніаминовъ, при его значительныхъ познаніяхъ въ алеутскомъ языкѣ, могъ такъ ошибаться. Дѣло въ томъ, что dativus личнаго мѣстоименія всѣхъ трехъ чиселъ, но только третьяго лица (ñan, ìkin, ñin = ему, ямъ двоимъ, ямъ многимъ), если самъ по себѣ не имѣетъ значенія элемента instrumentalis, то онъ служитъ вспомогательнымъ средствомъ для его выраженія, когда въ предложеніи на лицо прямой объектъ дѣйствія. Но дѣйствительный элементъ орудія въ алеутскомъ языкѣ входитъ какъ инфиксъ въ переходящій глаголь, а не въ имя, служащее орудіемъ дѣйствія. Элементомъ орудія является частица *sa* или *sé* и соединяется съ глаголомъ слѣдующимъ образомъ:

sukúqin = я беру (или сейчасъ взял)

sñ-sa-kúqin = я этимъ (или чѣмъ нибудь) беру

саñ sñ-sa-kúqin = я беру своей рукой, буквально: моя рука я ею беру.

Но когда называется взятый предметъ, т. е. прямое дополненіе, то оно ставится передъ орудіемъ, а послѣ послѣдняго dativ. личнаго мѣсто-

именія 3-го лица, которое относится не къ орудію, а къ объекту дѣйствія и съ нимъ согласуется въ числѣ. Напр.:

1. Qax^ʼ sañ-ñān sūsakúqīñ = я беру рыбу (одну) своей рукой
2. Qax sañ-ikin sūsakúqīñ = я беру двѣ рыбы своей рукой
3. Qan sañ-ñīn sūsakúqīn = я беру много рыбъ своей рукой

буквально эти примѣры слѣдуетъ перевести:

1. Рыбу моя рука ее (т. е. рыбу) беру ею (т. е. рукой) я
2. Двѣ рыбы » обѣихъ » » »
3. Много рыбъ » ихъ » » »

Такимъ образомъ *sa* въ глаголахъ относится къ орудію (*sañ*), а *ñan* къ прямому дополненію (*qax^ʼ*). Необходимо тутъ прибавить, что дательный падежъ личныхъ мѣстоименій: *ñan*, *ikin*, *ñin* замѣняетъ въ этихъ примѣрахъ, какъ часто и при глаголахъ, отсутствующій винительный падежъ. Дѣло въ томъ, что въ именахъ абсолютный падежъ является именительно-винительнымъ, а въ личныхъ мѣстоименіяхъ 3-го лица отсутствуетъ абсолютный падежъ, ибо въ этомъ падежѣ для 3-го лица мѣстоименіе комбинируется съ адverbіальнымъ элементомъ, указывающимъ разстояніе 3-го лица отъ говорящаго лица. Напр. *áman* (абсолютный падежъ) и *amán* (относительный падежъ) = онъ, который вдали, видъ поля зрѣнія; *ñan* (абсолютный падежъ) и *ñān* (относительный падежъ) = онъ, который вдали, но въ полѣ зрѣнія¹).

Элементъ *sa* выполняетъ функцію *instrumentalis* также и въ страдательныхъ формахъ глаголовъ. Напр.:

- nux^ʼ anúkux^ʼ* = онъ бросилъ камень
sax^ʼ nux^ʼ -ñān anūsákux^ʼ = онъ бросилъ камень въ птицу.

Теперь возьмемъ одну изъ страдательныхъ формъ основы *ānu*.

- nux^ʼ anu-łgá-kux^ʼ* = камень бросили или брошены
sax^ʼ nux^ʼ -ñān anułgāsákux^ʼ = камень бросили (или брошены) въ птицу.

Въ именахъ элементомъ орудія вмѣсто *sa* употребляется *si* и въ этомъ случаѣ мѣняется значеніе слова, напр.

- túga* = основа глагола «бить» и именн «битье». *Túgax^ʼ* = битье; *tugáku-x^ʼ* = онъ бьетъ; *tugā-sá-kux^ʼ* = онъ этимъ бьетъ; *tugá-si-x^ʼ* = коло-

¹ См. статью автора: «Замѣтки о фонет. и структ. основахъ алеутскаго языка». ИАН 1912, 1038.

тушка, т. е. орудіе, чѣмъ бьютъ. Или: изъ основы *asúga* = копать и копанье получимъ — *asúgaχ* = яма и *asugásix* = лопата, т. е. орудіе для копанья.

При помощи инструментальнаго элемента *sa* непереходящіе глаголы могутъ быть обращаемы въ переходящіе. Напр.:

hwaganáqĩñ = я сюда пришелъ и

ádañ hwagā-sa-náqĩñ = я привелъ сюда своего отца, т. е. я пришелъ сюда со своимъ отцомъ.

Но это все-таки не комитативная форма. Послѣдняя составляется изъ *a* — основы глагола «быть», и частицы *sí*, образуя причастную форму *ásix* или *ásik* = будучи съ (кѣмъ-нибудь), напр.:

ádañ ásix hwaganáqĩñ = я пришелъ сюда (будучи) со своимъ отцомъ или: *Imán síkidán ásix angagĩnaχ* = Иванъ жилъ со своимъ шуриномъ. Буквально: Иванъ, со своимъ шуриномъ будучи, жилъ.

Вотъ какъ своеобразно образуются въ алеутскомъ языкѣ формы *instrumentalis* и *comitativus* и какъ Веніаминовъ безъ «оруднаго» элемента составилъ таблицу «орудныхъ падежей».

Объ алеутскомъ глаголѣ, — наиболѣе важномъ въ типологическомъ отношеніи отдѣлѣ алеутской грамматики, — я буду говорить въ слѣдующей статьѣ.
